

Борис УГЛИЦКИХ

ЕВРОПЕЙСКАЯ СУЩНОСТЬ НАЦИЗМА

Полемические заметки

Всегда с пониманием отношусь к тем упертым в своих прозападнических взглядах политологам, которые то и дело ссылаются на социологию пресловутого Левады-центра. Ну так, ведь и мы, простые российские обыватели, прекрасно осведомленные в доказанной судом «иностранноагентской» направленности научно-исследовательских изысканий этого заведения (американские ушки никуда не спрячешь), добродушно делаем вид, что верим во все его авторитетные мнения. Верим, потому что этот центр у нас в стране (так, по крайней мере, все считают) — единственно независимый. Верим, потому что его специалисты имеют мировое признание. Верим, потому что с совковых времен привыкли к вежливому отношению к проповедуемым Западом морально-этическим и идейно-политическим ценностям.

Но даже он, этот Левада-центр, иногда конфузливо разводит руками: мол, такова социология, а мы здесь ни при чем. Мол, против истины не попрешь. Еще бы... Если соврать там, где ложь легкопроверяема, то потом отпадет надобность придумывать вранье изощренное.

Вот и появляются на свет Божий откровенные для всех нас цифры о все более растущей неприязни россиян к западным ценностям и ко всему западному мироустройству.

1. Бревна мудрых мыслей

Но почему эта тема вообще кому-то интересна? Почему она не существует ну хотя бы как побочная, в контексте современных общежитейских тем? И с какой стати нам

Борис Алексеевич Углицких родился в 1948 году. По образованию инженер. Работал в системе ФСИН, руководил медиаструктурой Богословского алюминиевого завода (РУСАЛ). Автор более десятка книг (публицистика, проза, поэзия, юмор, критика). Живет в г. Краснотурьинске.

постоянно требуется искать какие-то обкатанные якобы успешными государствами лекала?

Да потому что мы так воспитаны.

С молоком матери, с розового младенчества впитываем мы в себя мудрые размышления наших милых и доморощенных — интеллигентных «человековедов и человеколюбов». Давайте начнем с того, кто сам «зачерпнул дерьма до самого дна» — с Алексея Максимовича Пешкова (М. Горького).

«По-азиатски, по-татарски свирепы эти лютые русские люди, о которых принято стихами и прозой твердить, как о кротчайших смиренниках, жалостливая нежность которых умиляет их самих до восторга, — пишет о героях „пролетарского писателя“ К. Чуковский в статье „Две души М. Горького“. — Вот один из них, задушевный певец (поют-то они задушевно!), набрасывается на доверчиво-влюбленную в него женщину, бьет ее с размаху по лицу, раздевает ее догола и, крикнув ей вдогонку позорное женщине слово, гонит голую по улице к мужу, который искалечит ее, — и все это ни с того ни с сего, просто так, безо всякой причины. Она ползет на четвереньках, как овца, висят ее тяжелые голые груди, она плачет, а про нее говорят „сука“ и радуются, что муж искалечит ее».

Да, жестокость... У людей «со славянскими милыми лицами», жалостливыми и любвеобильными, — но почему-то грубая и дремучая жестокость. Она у Горького пронизывает своей щемящей физиологией практически все его, так понравившиеся нарождающемуся социализму произведения. Жестокость — певучая, поэтичная, милая, но отравленная нашей врожденной азиатчиной. Никто до Горького из русских писателей этой болезни не замечал. А он вот взял и увидел.

Примечательно, что диагноз российской болезни от «пролетарского» писателя изумил и обидел не только соотечественников. Когда в Лондоне издали перевод его «Детства», английский журналист Стивен Грэхем публично бросился защищать Россию от Горького, доказывая в «Таймсе», что если бы Горький знал и любил Россию, как знает и любит ее он, Стивен Грэхем, он не стал бы «так постыдно клеветать на свой святой, патриархальный, благодушный и боголюбивый народ».

Каково?! Как говорится: где Горький, а где англичане?

Но ведь это еще не все. Кроме жестокости, Горький открыл в наших российских душах другую азиатскую болезнь — рабью покорность. «Я не могу позволить себе учить других сомнительным добродетелям — покорности и терпению. Подобные проповеди органически враждебны мне, и я считаю их безусловно вредными для моей страны», — написал он однажды в одной из статей. «Терпение — это добродетель скота, дерева, камня», — еще жестче заметил он в другом месте. И что? «Да это все надо просто ненавидеть», — утверждает Горький на множества страниц. Все русские болезни, о которых говорит писатель, по его мнению, — азиатские, восточные, монгольские. Не просто фатализм, а фатализм восточный, не просто изуверство, а изуверство азиатское. Азия в нашей крови, Азия в нашем быту.

«Горький вообще мыслит без оттенков и тонкостей, — размышляет в своей статье о нем К. Чуковский. — В его художественных образах бездна нюансов, а мысли элементарны, топорны, и так же, как бревна, массивны... о них хоть голову себе разбей, а их не сдвинешь. Если наша гибель — Восток, то наше спасение Запад, а если наше спасение Запад, то — к черту все, что не Запад».

2. **Общевропейский обезьянник**

Но разве ущербная заикленность на «языках общества» дает простые ответы на вопросы: «Откуда все это и что с этим делать?»

Революция? Ну, конечно же — революция! А как иначе расшевелить это мертвую азиатчину в русском заскорузлом мироустройстве.

Вот ведь и наш обожаемый Александр Блок мучился от ужаса по поводу вынужденного соседства с «чернью». Однажды сидя в трамвае, он сказал своему другу: «Я закрываю глаза, чтобы не видеть этих обезьян, — и добавил, кивнув на окружающих: — Они все — обезьяны. А вы разве не знаете этого?» «Груды человеческого шлака, — говорит он в своих стихах о людях, — человеческие ростбифы, серые видения мокрой скуки». Вот что значит — поэтическое образное мышление!

Большинство людей для него было — чернь, которая только утомляла его своей пошлостью. В своей статье о Пушкине он дает такое определение черни: «Они — люди; это не особенно лестно; люди — дельцы и пошляки, духовная глубина которых безнадежно и прочно заслонена заботами суетного света». Их-то и должна была преобразить катастрофа. Поэт был почему-то твердо уверен в том, что, пережив катастрофу, все человекоподобные станут людьми.

Заметьте: не Запад должен, по Блоку, прийти на помощь погрязшей в азиатчине России, а самоочистительная катастрофа. Более того, от Запада поэт тоже не в особом восторге. Вспоминая Италию, где он не раз отдыхал на самых фешенебельных курортах, Блок с отвращением говорил об итальянцах, об этих «стрекожущих коротконогих подобию людей». Ну, стрекожущих — это понятно, а почему — коротконогих? С омерзением говорил он в одном из своих писем матери о самой в ту пору демократической стране — Англии, «где рабочие доведены до иступления 12-часовым рабочим днем и низкой платой и где все силы идут на держание в кулаке колоний».

Очень часто в своих статьях и письмах он в весьма резкой форме высказывается против «подлого европейского строя, который вместо людей фабрикует какую-то позорную дрянь». Презрением, болью и тоской звучат знаменитые вступительные строки «Возмездия»:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень люфигерова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине.
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь)
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь.

«Здесь ясна и чудовищная бессмыслица, до которой дошла цивилизация, — пишет он в одном из своих писем, — ее подчеркивают напряженные лица богатых и бедных, шныряние автомобилей, лишенное всякого внутреннего смысла, и пресса — продажная, талантливая, свободная и голосистая». Не скрою: меня лично очень впечатлило замечание поэта по поводу европейской прессы — как будто эти строчки написаны сегодня.

...Революция грянула, но азиатчина не ушла. И обманувшийся в своих мечтах поэт начал умирать сразу же после написания своих знаменитых «Двенадцати» и «Скифов».

3. Мы — скифы?

Более того, революция еще явственней сделала похожесть толпы на «озверевшую стаю приматов». Вот как описывает лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин, эмигрировавший в 1920 году из России, в дневниковых записях «Окаянные дни» рабочую демонстрацию в Москве: «Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: „Вставай, подымайся, рабочий народ!“».

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: „Cave furem“. На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно... И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами. Восточный крик, говор — и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышиные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие».

А в одном из писем замечает: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно ассиметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...».

А вы что ожидали увидеть, господа бородатые «человековеды», в толпе измученных голодом, эпидемиями, неопределенностью и ужасом смертельного хаоса людей? Господа писатели, правдиво и подробно живописующие все мерзости российского бытоустройства. Господа либералы, пытавшиеся расшевелить российского мужика на противление косности укоренившегося на Руси самодержавия.

Холеная Европа, с обличьем тоже далеко не модельного вида, на протяжении многих веков завидовала России и делала все возможное чтобы не только очернить ее публично, но и просто уничтожить физически. Кто толкал нашу страну в бездну? Кто финансировал наших доморощенных бунтарей? Кто помогал разрушать стачками нашу военную промышленность и деморализовать армию? Кто ходил на нас опустошительными походами? Кто душил нас экономическим террором?

Хвастливая и самодовольная Европа с ее морально-этическими ценностями уже много лет открылась нашему пытливому взору с далеко не безупречной стороны. Какая она, «модель цивилизационного совершенства»? Она что — свободна от всех язв современной общественной жизни? Она что — эталон международного мирного сотрудничества?

Коварная и лживая Европа с давних лет отравляет воздух мировой цивилизации гнилыми теориями нацизма и биологического неравенства человеческих рас. Она, ничуть не смущаясь дебиловато-маразматического смысла, устами разных шендеровичей открыто нам глаголет разные мерзости о сути нас, россиян: «Наша проблема в том, что нелюдей мы тоже числим людьми — и оцениваем их в человеческой номинации. Оттого и расстраиваемся, сопоставляя числительные, оттого и заходимся в бессильном гневе, не понимая, как такое возможно: лгать в глаза, изрыгать пошлости, убивать, устраивать обезьяньи пляски вокруг убитого... Мы — ошибочно — полагаем, что относимся с ними к одному биологическому виду (нашему), в котором такое действительно невозможно, и вопим от возмущения. Мы по инерции числим их оппонентами, а они — окружающая среда. И сходные внешние признаки — типа наличия пары рук и ног, носа, очков, прописки и умения пользоваться айпадом — не должны отвлекать нас от этой суровой сути дела».

Нам пора наконец взглянуть на реалии мира трезвыми глазами и твердо уяснить, что мы, россияне, для Европы уже не одно столетие — нелюди. И хоть ты тут кол на голове теши, а их, «просвещенную элиту человечества», вряд ли переубедишь.